

Александр Сергеевич

ARCHIVAL
MEMOR

Архив памяти

18+

александр малышев

Архив памяти

«Автор»

2026

малышев а. с.

Архив памяти / а. с. малышев — «Автор», 2026

Артём думал, что самое страшное место — это заброшенная шахта под деревней. Он ошибался. Настоящий ужас ждал его каждое утро в казанском НИИ, среди стеллажей с грифом "Совершенно секретно". Здесь бумаги пахнут кровью, а за одной из них прячется правда, способная свести с ума. Чтобы выжить, ему придётся забыть всё. Но у памяти есть свойство возвращаться... ровно тогда, когда к порогу снова придёт посылка из деревни». Здесь мы связываем локации (Казань деревня), упоминаем угрозу и оставляем крючок с посылкой.

© малышев а. с., 2026

© Автор, 2026

александр малышев

Архив памяти

Мне было двадцать один. И завтра я должен был стать кем-то другим. Не просто внуком деда, не просто парнем, который провалил экзамены в политех, а сотрудником. Официально — стажёром в административно-хозяйственном секторе (так дед мягко обозвал это, чтобы не пугать). А в мечтах — тем, кто наконец-то узнает, что они там прячут.

Я сидел на кухне в нашей казанской квартире, крутил в пальцах гранёный стакан и смотрел, как за окном гаснут окна соседних хрущёвок. В воздухе висел запах жареной картошки и папиных «Беломора» — запах, который в 2004-м году означал «дом».

Но дома мне не сиделось. Я скучал по деревне. По тому, как бабушка ставит самовар, по скрипу половиц, по тишине, которая там была настоящей, а не просто отсутствием людей. В городе тишина какая-то злая, напряжённая.

дед курил на балконе, приоткрыв дверь, чтобы дым уносило ветром. Он был в своей обычной форме: старые брюки, растянутый свитер, выдавший виды плащ на вешалке. Глядя на него, никто бы не сказал, что этот человек сорок лет держал в руках папки с грифом «Совершенно секретно».

— Ты чего не спишь? — спросил он, не оборачиваясь. Голос у него был тихий, но такой, что перебивать не хотелось.

— Думаю про завтра, — честно ответил я. — И про деревню. Бабушку вспомнил.

дед хмыкнул, стряхнул пепел. На секунду мне показалось, что он сейчас заговорит про неё. Про ту

самую деревню, про которую он всегда отмалчивался, стоило мне спросить: «А что там было в 70-х?», «А почему мы туда редко ездим?». Он всегда уходил от ответа. И сейчас ушёл.

— Завтра будет день, — сказал он. — Много бумаг. Много скуки. Ты готов к тому, что большая часть работы — это перекладывание бумажек?

Я фыркнул.

— Я готов к секретам, дед. Все во дворе говорят, что вы там не просто шпионов ловите. Говорят, у вас пришельцы в подвалах сидят. Или тарелки на полигонах. дед наконец повернулся. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня. Он не улыбнулся. И не разозлился. Он просто посмотрел на меня так, будто увидел что-то, чего видеть не хотел.

— Пришельцы, значит, — тихо повторил он. — Знаешь, Артём, самые страшные секреты — это не про зелёных человечков. Самые страшные — это когда ты понимаешь, что люди сами могут стать чужими. Я хотел рассмеяться, сказать, что он меня пугает, но смех застрял в горле. В его голосе не было шутки. — Ты про деревню? — рискнул я. дед затушил сигарету.

— Про многое, — уклончиво ответил он. — Завтра ты увидишь, как работает система. А про остальное... про остальное я расскажу, если ты сам не захочешь сбежать после первой недели.

Я кивнул, хотя ничего не понял. Но в груди всё равно трепетало. Завтра я стану частью этой тайны. И я найду доказательства. Обязательно найду.

А за окном, в чёрном небе над Казанью, уже висела она — комета. Тогда её ещё не называли Buranos. Её просто считали красивым астрономическим явлением. Никто не знал, что она уже меняет курс. На следующий день я встал раньше всех и пришёл, когда в здании ещё стояла гулкая тишина. Я ждал у двери, жадно вглядываясь в каждый звук, в каждый скрип — ждал, что вот-вот откроется эта дверь, меня отведут в какой-нибудь секретный отсек, покажут дело об опытах, дадут прикоснуться к настоящей тайне.

Но когда дверь наконец открылась, меня просто отвели за стол в пыльном углу архива. И весь день я читал какие-то уставы, правила внутреннего распорядка и прочую канцелярскую

ерунду. Скука разъедала изнутри, но я не терял надежды. Я ведь был в архиве — здесь пахло не пылью, а секретами.

Как только куратор отлучился, я начал копаться на полках. Листал папки, вглядывался в названия, надеясь найти хоть что-то про «иную жизнь». И вдруг заметил папку прямо на полу — будто её выронили или специально бросили. Я поднял её. На обложке значилось что-то скучное: «Отчёты по сдаче экзаменов кадетами». Но внутри... внутри лежали совсем другие документы.

Отчёты об опытах над животными. Протоколы препаратов, отменяющих сон, чтобы сделать человека выносливее. Я едва успел спрятать папку в куртку, когда лампа над головой странно мигнула, а в тишине коридора отчётливо прозвучали тяжёлые шаги. Сердце ухнуло в пятки. Я замер, а потом, стараясь не шуметь, начал уходить. К счастью, меня никто не заметил. Рабочий день был окончен.

дома я не стал включать свет. Не выглядывал в окно. У меня не было оружия — только кухонный нож, который я положил рядом на стол. Я читал при свете маленького фонарика, жадно глотая строчки, и с каждой новой страницей мир вокруг становился всё более чужим и опасным.

Оказалось, все слухи, над которыми мы смеялись во дворе, были правдой. Опыты велись. И результаты были чудовищными. Животные умирали на столах учёных от обезвоживания и стресса. А те люди, кто выживал... они становились неуправляемыми. Сходили с ума. Рвали волосы на голове, сидели в углах в скрюченных позах, качались и что-то бессвязно бормотали. А их глаза... в них была только тьма.

Я не спал всю ночь. Как уснёшь после такого? Тревога сжимала грудь тисками, а страх холодил спину. Я понимал: если кто-то узнает, что я читал эти документы, мне не поможет даже дед. Его самого под присягу и долой из органов. Но я не остановлюсь.

И на следующее утро я снова пошёл на работу. В этот день я был сам не свой. Меня трясло от каждого скрипа, я вздрагивал от любого громкого звука. Казалось, все вокруг знают про папку. Знают, что я её читал. И теперь только и ждут момента, чтобы схватить меня, увести в ту самую комнату без окон и спросить: «Ну, и что ты там вычитал?»

Я смотрел на объективы камер в коридоре и тут же отворачивался, будто это были дула винтовок. Каждый

мой шаг отдавался в висках.

И тут ко мне подошёл дед.

Я вздрогнул так сильно, что чуть не подпрыгнул. Еле сдержался, чтобы не отшатнуться.

— Ну, как успехи? — спокойно спросил он. Но в этом спокойствии было что-то пугающее. За годы службы он научился видеть людей насквозь.

— Да-да, всё хорошо, — выпалил я. — Учусь, вникаю. Он прищурился. Взгляд скользнул по моим синякам под глазами, по тому, как я нервно тереблю пуговицу на кителе.

— Ты вообще спал этой ночью? Выглядишь как привидение.

— Как убитый, — соврал я, старательно глядя куда угодно, только не в его глаза. — Просто пыли в архиве наглотался, вот и глаза красные.

дед помолчал, будто взвешивая каждое моё слово. — В архиве... — протянул он. — Ничего... интересного не попадалось? Чего-нибудь, что не по уставу?

У меня внутри всё оборвалось. Он знал. Или подозревал.

— да там, — я махнул рукой, стараясь говорить небрежно, — пыль, карболка, да этот чёртов телетайп, который стучит без остановки. Ничего там нет, кроме скуки.

дед ещё секунду смотрел на меня, а потом кивнул. Но я видел — он мне не поверил.

— Ладно, — сказал он наконец. — Иди работай.

Как только он отошёл, я сорвался с места. Не в кабинет, не к полкам. Я бежал, сам не зная куда, пока ноги не принесли меня в мужской туалет. Захлопнул дверь кабинки, задвинул засов и прижался спиной к холодной плитке. Меня колотило.

В коридоре гремела музыка — какой-то заводской ансамбль репетировал в актовом зале, басы вибрировали в груди, мешая думать.

И вдруг я услышал голос. Тихий, сдавленный, из соседней кабинки. Кто-то стоял там и говорил по телефону, прижавшись к стене.

— ...запуск подтверждён... — донеслось сквозь гул басов. ■■■■■ ...сигналы идут... корабль... опыты...

Фразы были обрывками, как помехи на сломанной рации. Я замер, боясь даже дышать, чтобы не выдать себя.

А потом в соседней кабинке щёлкнул рычаг, и человек резко выбежал. Хлопнула дверь туалета, и шаги быстро затихли в коридоре.

Я остался один. Сидел на крышке унитаза, сжимал кулаки до побеления и пытался собрать мысли в кучу.

«Корабль».

Это слово звенело в ушах громче, чем телетайп и басы вместе взятые.

Папка не была бредом. Слухи не были выдумкой. Я не сошёл с ума. Я просто наконец-то начал видеть то, что они так старательно прятали. И теперь, когда я это услышал, пути назад не было. Я сидел в туалете долго. Хлорка въедалась в ноздри, щипала горло. Я смотрел на старую шершавую плитку на полу — на единственное, что здесь было нормальным. Честно.

Хотел выйти спокойно, но не мог. Ноги будто налились свинцом, стояли как вкопанные, а разум кричал: «Иди!» И тут зазвонил телефон. Резкий, требовательный звонок будоражил до костей. Незнакомый номер. Я не ответил.

Пусть думают, что занят или не увидел.

Телефон утих. Я выдохнул, чувствуя, как немного отпускает напряжение. Но на третий раз он снова затрещивал — настойчиво, зло. А потом вдруг замолчал. Навсегда. Я выдохнул уже по-настоящему. Пришлось идти. Я побрёл в архив — «штаны просиживать», как говорил куратор. Но тревога не уходила, висела на плечах тяжёлым мокрым пальто. Когда часы наконец пробили конец рабочего дня, я сорвался с места и полетел домой. Дома, не включая света, я снова достал документы. Снова читал про опыты над людьми и животными.

«Если животные имеют слабую прочность, то люди могли бы выдержать эту силу...» — строчки плясали перед глазами. С каждым прочтением я всё больше привыкал к мысли, что моя жизнь уже не будет спокойной. Что я знаю, что творится у меня на работе. Но самое интересное было в конце папки. Там упоминался один учёный — Анатолий Михайлович. Его исключили из состава делегации учёных — прогнали, оставили одного. Одиночка.

Я вчитался в эти строки. Если кто и знает всю правду, то это он. Мне нужно его найти. Как-то я начал свыкаться. Не то чтобы отпустило — нет, тревога никуда не делась, она просто притихла, забила куда-то под рёбра и притворилась, что её нет. Я даже начал думать, что, может, всё не так страшно. Может, папка — это просто старые бумаги. Может, я накрутил себя.

И тут позвонил дед.

— Артём, — сказал он своим обычным, ровным голосом, — бабушке нужен диван в деревню. Поищи объявления на подъездах, где-нибудь поблизости. Найдёшь — заберёшь.

Я сказал: ладно. Обычное дело. Бабушке нужен диван — я поищу диван.

Ближе к вечеру, выходя из дома, я глянул на доску объявлений у подъезда. Листок висел криво, приклеенный скотчем: «Продам диван. Самовывоз». И номер.

Я позвонил из автомата. Трубку взял мужик. Голос хриплый, тяжёлый — лет пятьдесят, не меньше. — Диван? — переспросил он. — Забирайте. Бесплатно.

Только самовывоз.

— Отлично, — сказал я и записал адрес.

Адрес был далеко. Очень далеко. На самой окраине, за последним трамвайным кольцом, там, где город уже не город, а поле ещё не поле. два часа езды. Я помню, как сидел в троллейбусе и смотрел в окно, а дома становились всё ниже, всё старее, а потом и вовсе кончились. Кто-то специально отрезал себя от всех. Поселился на самом краю и захлопнул дверь.

дом оказался частным. Кривой забор, заросший двор, на верёвке сохло серое бельё. Я постучал.

За дверью раздался крик:

— Уходите! Денег нет! Я вооружён! А ещё — я радиоактивен, вас заражу!!

Я растерялся. Потом вспомнил, зачем пришёл. — Я за диваном. Я вам звонил.

За дверью утихли. Шаги. Щёлкнул замок. Дверь приоткрылась — на цепочке. В щели я увидел мужика. Заросший, с седой бородой, волосы сальные, спутанные. От него несло так, что меня аж качнуло — смесью немытого тела, застарелого дыма и чего-то химического, резкого.

— Вы точно за диваном? — прищурился он. — Или вы за мной?

— За диваном, — ответил я. — Больше мне ничего не надо.

Он посмотрел мне в глаза — долго, въедливо — и поверил. Открыл дверь. Показал внутрь.

Я вошёл и сразу забыл про диван. На стене висел засаленный лабораторный халат. На столе стояли колбы с мутной жидкостью, лежали шприцы, какие-то исчерченные схемы. На стене криво висели грамоты — несколько, выцветших. А одна лежала на полу, лицом вниз.

Я поднял её. «За вклад в науку». А ниже: «Анатолию Михайловичу».

У меня перехватило дыхание. Анатолий Михайлович.

Тот самый. Из папки.

Он выхватил грамоту у меня из рук.

— Не трогай! — рявкнул он. — Выкинь на мусорку. Неблагодарные. Я для них — а они что? Выгнали. Как собаку.

Он швырнул грамоту обратно на пол и сел на диван. Тот самый диван, из-за которого я ехал два часа.

Провалился в него, как в вату, и уставился на меня снизу вверх.

Я сглотнул.

— Я забираю диван. Пришлю газель, ребята заберут и увезут.

— Ладно, — буркнул он. — Я приведу его в порядок. В лучшем качестве отдам.

Я хотел сказать: «В лучшем? да ему лет сто». Но закрыл рот. Кивнул. Попрощался.

У двери он сунул мне бумажку с номером.

— Если пригодится, — сказал он. — Ну, там... диван или ещё что-нибудь.

Я взял. Вышел. Дверь за мной захлопнулась. два часа обратно я смотрел в окно троллейбуса и думал. А может, это он? Тот самый учёный из документов? Хотя — нет. Не может быть. Вид у него... не похож он на доктора. Может, просто однофамилец. Совпадение.

дома я лёг на кровать, думал обо всём этом — и уснул. Уснул с бумажкой в кармане, с его номером. Мне позвонили грузчики.

— Тут что-то не то, — сказал один. — Запах... как будто проволоку жгли. И хозяина нет. Приезжайте.

Я собрался и поехал. Прибежал на место, поздоровался. Грузчики стояли у крыльца, курили нервно, переглядывались. Я зашёл в дом.

Никого. Диван стоял на месте, покрытый вязаной салфеткой, будто ждал нового хозяина. Но Анатолия Михайловича не было. В доме — тишина, только гудел холодильник на кухне.

Я ходил по комнатам, звал. Тишина. И вдруг — под ногами. Стук. Сначала слабый, как будто дерево бьётся о бетон. Я остановился. Прислушался. Стук повторился.

А потом — крик. Глухой, далёкий, как из-под земли. Я лёг на пол, прижался ухом к доскам. Слышно было — едва. Крики. Что-то лопалось, как перегоревшая лампа. Вспышки — я даже почувствовал, как пол едва заметно осветился из щели, а потом снова потемнел.

— Сегодня отбой, — сказал я грузчикам. — Я позвоню насчёт дивана.

Они уехали. И я остался один.

Сначала я вышел на улицу, обошёл дом. Заглянул в сарай, в туалет — нет ничего. Ни люка, ни двери. Обычная окраина, обычный частный дом. Я уже начал думать, что мне прииделось. Что это усталость, нервы, паранойя.

Но в гостиной стоял шкаф. Старый, дубовый, с потемневшими дверцами. Я открыл его. Внутри — ни полок, ни одежды, ни пыли. Пустой. Но в этот шкаф спокойно мог влезть человек. Это было странно. Зачем держать пустой шкаф посреди комнаты?

Я зашёл внутрь. Закрыв дверь. Темнота. Стоял и думал: что, нужно какие-то волшебные слова сказать? Бред. Я уже хотел выходить, когда доска под ногой ушла.

Я не упал. Я провалился.

Кричал. Много. Руки хватали пустоту, ноги болтались в воздухе. Света почти не было — он появлялся и исчезал, мигал, как ломаная неоновая вывеска, и в этих вспышках я видел бетонные стены, летящие мимо. Падал я долго. Может, минуту. Может, пять. Каждая секунда была как «прямо в ад».

Удар. Боль в ногах. Я лежал на бетонном полу в темноте, хватая ртом воздух.

Коридор. длинный, узкий. Лампа вдалеке горела — одна, тусклая, жёлтая. Остальные мигали и искрились так, что казалось — вот-вот загорится проводка. Надо поменять, подумал я. И тут же понял, что думаю о проводке, чтобы не думать о том, где я.

Мне нужно было оружие. Но под руку ничего не попадалось — только холодные бетонные стены. Я шёл по коридору, и с каждым шагом крики становились ближе. Не крики боли — крики работы. Как на бойне.

Ритмичные, деловитые.

Поворот. Я остановился. На стене — тёмные потёки. Я дотронулся. Пальцы стали мокрыми и липкими. Поднёс к носу. Металлический запах. Не томатный сок. Точно не томатный.

Адекватный человек развернулся бы и пошёл назад. Но я не был адекватным. Я бился до сути. И пошёл вперёд. На полу, у стены, лежал скальпель. Старый, с потемневшей рукояткой. Я поднял его. Холодный, тяжёлый. Не оружие — инструмент. Но сейчас — единственное, что у меня было.

Крики — за следующим поворотом. Буквально за стеной. Я замер, сжал скальпель и шагнул. Комната. Большая, бетонная, как операционная в подвале сумасшедшего дома. На стенах, неровными, дрожащими буквами — два слова, написанные чем-то тёмным и густым. «БЕЗУМЕЦ». «ОДИНОЧКА». И он. Анатолий Михайлович. В засаленном халате, в перчатках, стоял над металлическим столом, на котором лежало что-то маленькое и неподвижное.

Рядом — диктофон. Его голос — хриплый, ровный, почти механический — заполнял комнату:

— Пациент номер двести двадцать один... скончался. Но появилась мутация в виде опухоли в головном мозге. Необычные наросты по телу. Образцы тканей извлечены. Помещены на хранение...

Запах ударил так, что я качнулся. Не химия — смесь крови, формалина и чего-то сладковато-гнилого, что не должно существовать в одном запахе. На полках вдоль стен стояли банки. Внутри — органы. Куски кожи. Что-то, что когда-то было животными, а теперь не было ничем. Ошметки шерсти, вырезанные ткани, вскрытые тела, сложенные, как дрова.

Я стоял в дверях со скальпелем в руке и смотрел на эту жуть. У меня не было ствола. Не было рации. Не было деда за спиной. Был только я и скальпель, который дрожал в пальцах. Но я пошёл к нему.

— Что здесь происходит? — спросил я. Голос не слушался — вышел хриплым, чужим.

Он обернулся. И не удивился. Он ждал. Он знал, что я не просто парень за диваном. Знал с первого дня, с первого звонка.

Он посмотрел на скальпель в моей руке. Потом — на меня. И тихо, без страха, взял мою руку и разжал пальцы. Скальпель упал на пол с лёгким звоном. — Сядь, — сказал он. И сел сам, на старый металлический стул, покрытый чем-то тёмным. Кровью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.